

УДК 070

**«МЫ НАШ, МЫ СТАРЫЙ МИР ПОСТРОИМ...». АРХАИКА МОЛОДОЙ
РЕСПУБЛИКИ: МАССОВЫЕ АКЦИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ
1920-1930-х гг.**

**"WE ARE OURS, WE WILL BUILD THE NEW WORLD ...". ARCHAIC OF YOUNG
REPUBLIC: MASS STOCKS ON THE PAGES OF THE SOVIET PRESS
OF 1920-1930-ies**

**В.Ю. Меринов
V.Y. Merinov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, Russia, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается роль отечественной журналистики 1920-1930-х гг. в процессе архаизации советского общества. В качестве репрезентативного примера взята одна из наиболее распространенных советских символических культурных форм – парад. Утверждается, что парад на страницах советской центральной прессы фигурировал и обретал свою легитимность в качестве одной из превращенных символических форм, направленной на уничтожение гражданского общества. Эпический внешний конфликт, отношения Вождь – масса, человек – коллектив, героизация социального пространства, инверсионная эмоциональность, продуцируемые через изображение советского ритуала, дают основания говорить о значительной роли советской прессы в разрушении достижений современной цивилизации в гражданской сфере и откате к архаике.

Abstract

Soviet journalism, despite the discourse of renewal and novelty, was a tool for introducing elements of the archaic to the Soviet society, dehumanizing it, moving beyond modernity. A widespread archaic form of Soviet culture was the parade, which took its rightful place in the domestic media. He expressed the very spirit of the Stalinist era, the spirit of humiliation before the authorities and, at the same time, a sense of superiority over the "world of capital". The Soviet press archaized consciousness, not only replicating the archaic forms of culture, but also suppressing coercive facts in the process of preparing and holding mass actions. This was how the civil feeling was undermined, a feeling of omnipotence of power and weakness of the average person was created. We also cited some examples of resistance (MA Bulgakov's work), but they did not determine the face of Russian journalism of this period.

Ключевые слова: советская журналистика, архаика, примитивизация, информационная война, парад, Булгаков, советская мифология.

Keywords: Soviet journalism, archaic, primitivization, information warfare, parade, Bulgakov, Soviet mythology.

Введение, объект и методы исследования

В первой трети XX века в мире произошли события, определившие его лицо и судьбы миллионов людей. Почти одновременно в Европе свершилось несколько «цветных» революций. «Красная» в России, «Черная» в Италии и «коричневая» в

Германии. Характер последних двух был определен самими участниками этих революций, вожжами и идеологами фашистских и национал-социалистических движений определенно и достаточно точно. Эти события трактовались как «консервативная революция» (А. Мёллер ван ден Брук, О. Шпенглер, Э. Юнгер, К. Шмит и др.), как некий «третий путь», проложенный между Харибдой либерализма и Сциллой коммунизма. На этом пути мифологизированное Прошлое получало магическую власть над настоящим и будущим. «Народный дух», почвенническая идеология, мистика крови, великое победное прошлое – всё это должно было привести нации, избравшие его, к процветанию. Новомодный «социализм», дань мощному социал-демократическому движению, понятый как патриотически ориентированная идеология общественной солидарности, только помогал укреплению национально-государственных «основ» и «традиций». Консервативная революция стала ответом идеологии Просвещения, тому «порочному» духу современности (модерна), который стремительно завоевывал мир с победой Американской, Великой французской и европейской революции 1848 года (т.н. «весны народов») [Дугин, 1994; Фрайер, 2008].

Конечно, семиотика фашистских значений переворачивалась в странах с иной политической ориентацией. Победа фашизма воспринималась там как отказ от достижений европейской цивилизации, откат в дикость, варварство, темное средневековье и т.п. В принципе, характер суждений не изменял ничего по существу, единственно менялась на противоположную лишь оценка. То, что вызывало восторг в пространстве победивших фашистских идеологий (мы полагаем, что термин фашизм может быть принят как видовой), настораживало и откровенно пугало другие стороны.

С трактовкой русской революцией (большевистской) дело обстояло иначе. Ситуация многообразия мнений, вплоть до полярных, сопровождала это событие изначально. И сегодня вряд ли возможно определить дату окончательного консенсуса по данному вопросу. Тем не менее, точки зрения можно свести к двум базовым моделям восприятия коммунистической революции. Первая, революция как прорыв в будущее и вторая, как гигантский шаг в прошлое.

Большевики, их политические союзники в остальном мире, а также подчиненная отечественная пресса видели в СССР рассвет нового мира. На протяжении всего своего существования, и в особенности на ранней стадии, дискурсу советской журналистики были свойственны несколько основных направлений осмысления положения советского государства в мире и в истории. Все они были связаны с нарративом рождения невиданного доселе первого в мире социалистического государства. Первый вектор обслуживал понимание страны, начинающей небывалый социальный эксперимент, как молодой, юной. «Молодая страна», «молодая республика», «дорогу молодым», «юность мира» – эти и другие лексемы и фразы (мемы) с семантикой молодости, свежести, юности, задора, бодрости, свойственной юности, формировали данное направление. Этот вектор был связан с другим, «молодая республика» просто не могла не быть устремленной в «светлое будущее». Она смело и решительно строила «новое общество». Всё здесь было впервые в мире. После разрушения «старого» общества предполагалось выстроить абсолютно «новый мир». Как пелось в Интернационале, ставшим гимном молодой советской республики, «Мы наш, мы новый мир построим». Советский, в том числе и журналистский, дискурс включал темы и мотивы созидания и обновления, новаторства, творчества молодых, невероятно деятельных и по-юношески азартных в своем желании переустройства мира. Образы молодости, весны («весне дорогу»), движения («железный поток»), дороги – ведущего хронотопа ранней советской культуры, всё это создавало картину энергичного строительства «общества будущего».

Третий вектор, который мы хотели бы отметить, касался «проклятого прошлого». Этот дискурс обслуживался кругом представлений с семантикой старости, дряхлости, отсталости, отсутствия надежды хоть когда-нибудь обрести «светлое будущее». В «стране

победившего пролетариата» старость мира сего без особого почета, сопровождаемая пинками, под проклятия и улюлюканье, превращалась в покойника и отправлялась туда, куда ей и было положено – в могилу. Однако оставались еще едва живые полумертвецы, за пределами СССР, представлявшие «мир капитализма». По дороге к невероятно перспективному будущему, по которой уверенной поступью на глазах «изумленной капиталистической публики» шагала молодая держава, весь «буржуазный мир» безнадежно отставал, страдал одышкой, предстал в состоянии немочи, деградации, уже готовый вот-вот развалится едва ли не сам собою. Этот мир собрал в своем последнем походном мешке все грехи прошлого: капитализм, империализм, фашизм, колониализм, «эксплуатацию человека человеком», обман, жажду войны, злобу, поклонение деньгам, моральное разложение и пр.

Между тем, реальная история советского государства говорила о другом. В конце своего недолгого, даже по человеческим меркам, существования «молодая республика», окончательно впала в стагнацию, в склеротическое царство геронтократии и бюрократии. Мы полагаем, что это её конечное состояние, свидетельствует, по крайней мере, о двух вещах. Первое, о неработающих или плохо работающих механизмах обновления общества, и, с другой стороны, о хорошо отлаженной машине его архаизации.

Оппоненты большевиков, прежде всего из демократического (антитоталитарного) лагеря, с самого начала подчеркивали противоположные стороны системы, разоблачая её как архаическую. Многие авторитетные мыслители, политические и общественные деятели своего времени (Н.А. Бердяев, М.А. Волошин, Ф.А. Степун, П.Н. Милуков, В.М. Чернов, А.Ф. Керенский и др.) не только отмечали отдельные элементы архаики, но и высказывали сомнение в новизне доктрины в целом, и её воплощения во всей политической конструкции «молодого советского государства» [Кара-Мурза, Поляков, 1999]. По их мнению, результатом социального эксперимента большевиков стал не прорыв в будущее, а, напротив, возрождение архаических исторических форм допетровского православия, феодализма, древних деспотий [Кара-Мурза, Поляков, 1999]. Так русский мыслитель Г.П. Федотов в работе «Письма о русской культуре» писал: «Вековая привычка к повиновению, слабое развитие личностного сознания, потребности в свободе и легкость жизни в коллективе, «в службе и в тягле» - вот что роднит советского человека со старой Москвой» [Федотов, 1992а, с. 186]. В труде «Россия и свобода» он же, выявляя архаическую сторону большевистского режима, отмечал, что «Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет Божий из Московского царства... душа его открыта Востоку» [Федотов, 1992б, с. 299-300].

Действительно, политические (режим деспотического единовластия) и символические формы культуры (сохранение нетленного тела вождя, ставшего мощами, сакрализация вождей и т.д.), архитектурные ансамбли «молодой республики» (к примеру, мавзолей в форме древнеегипетской пирамиды-гробницы, с телом большевистского фараона (святого) внутри и т.д.) [Римский, 1998], гигантомания («великие стройки», огромные скульптуры и т.п.), широкое использование рабского труда заключенных, пытки в местах предварительного следствия и заключения и мн.др. явно отсылают нас не к будущему, а, скорее, в обратном направлении.

При этом советскую журналистику, практически, не рассматривают как инструмент упрощения и архаизации общества. Дискурсы будущего (начала, молодости) как советского и прошлого (конца, обреченности) как капиталистического надолго стали и дискурсами и журналистской науки. «Молодая журналистика советской страны» вместе с советским народом «строила будущее», «была с народом», «помогала всему новому», «поддерживала новаторов и передовиков производства», развивалась и т.д. [Кузнецов, 1977, Максимов, 1967, Окорков, 1970, Овсепян, 1991]. Ситуация в журналистской науке была наглядным примером самоописания системы в терминах и подходах самой системы (Н. Луман). Между тем трудно себе представить, что отечественная пресса периода 1920-1930-х гг., ставшая голосом самой власти, находилась в стороне от процессов архаизации и примитивизации общества.

Итак, нашей задачей является рассмотрение отдельных культурных форм (феноменов), которые представляли и пропагандировали на своих страницах советские издания и определение их архаического потенциала. Мы берем разные аспекты, точки обзора: социальный, социально-психологический, ритуальный, эмоциональный.

Результаты и их обсуждение

Мы полагаем, что советская власть изначально выстраивала монологическую социально-гуманитарную среду архаического типа. Архаику мы понимаем как общее состояние культуры, при котором крайне затруднено производство современного мира, (мира сложных социальных и политических отношений, важности горизонтальных связей, гуманизма, мира инновационного, открытого и т.д.). Это состояние характеризуется доминированием инструментов, отвечающих за стабилизацию, консервацию, упрощение, традиционализацию общества, возвратом к древним (вертикальным, субъект-объектным) формам политической и социальной жизни, сакрализацией власти, неразличением государства и общества, репрессивностью, преобладанием военной и контролирующей составляющих в культуре. Отдельные модернистские элементы (символы, организации, институты и т.д.) в культуре с преобладанием архаических отношений, не являются системными и поэтому подвергаются дополнительному контролю, и зачастую само их существование носит отвлекающий, маскирующий характер. Сложность оценки советского времени и его институтов (в том числе журналистики) состоит в настойчивом иллюминировании институтов модернизации как системных, а также в особых, чрезвычайных мерах, предпринятых властью для сокрытия процессов, ведущих к архаизации. Тем не менее, даже сами эти меры были архаичны по своей сути.

Мы считаем, что в Советском Союзе превалировала модель социальных отношений, которую Ю.М. Лотман определил как религиозный (средневековый) социально-психический архетип «вручения себя Богу». «Безусловность социального смысла поведения, проявляется здесь двояко: для социального верха — тяготение к символизму поведения и всей системы семиотики, для низа — ориентация на нулевой уровень семиотичности, перенесение поведения в чисто практическую сферу» - писал ученый [Лотман, 1993]. Эта модель реализовывалась, в том числе в многочисленных ритуальных актах советской эпохи. Одной из наиболее распространенных и универсальных символических форм [Кассирер, 1998] в советской культуре стал парад. В важности этой формы убеждает и настойчивое обращение к ней на протяжении всего советского периода, и нарастание количества самих парадов, грандиозность массовых зрелищ, задействованные в них материальные и человеческие ресурсы, основательная организационная подготовка.

Изображение советского праздника-парада занимало большое место в центральной советской прессе. Репортажи с праздничных шествий (и других парадных форм) были регулярными, объемными и располагались на первых полосах советских изданий. Их дополняли-продолжали многочисленные фотоматериалы, демонстрирующие ровные колонны марширующих, приветствующих эти колонны вождей [Газеты и журналы 1930–1953 годов («Сталинский» период), 2010; Старые газеты. Известия, 2010]. Мы полагаем, что без деконструкции подобного рода феноменов, понимания их роли в культуре СССР, весьма непросто адекватно отразить и роль самой журналистики в воспроизводстве архаики. В связи с этим хотелось бы выделить несколько аспектов, связанных с историей, психологией и социологией советских парадов.

Военная архаика радикальной политической силы

Распространенность данной формы была связана со строящейся культурой советских праздников, советского календаря, вытесняющего календарь старый, церковный [Шумихина, Попова, 2012]. Они закрепляли в массовом сознании, идею

строительства абсолютно нового современного мира. Не случайно основную, наиболее заметную часть праздничного шествия, как правило, занимали молодые люди. Однако сама пропагандистская сущность парада, сформированная радикальными большевистскими политическими установками, опрокидывала вектор современности в обратную сторону. Пропаганда как феномен бескомпромиссной информационной войны выводит на первый план идею противостояния-вражды [Почепцов, 2015]. Сущность пропаганды в упрощении взгляда на мир, в разделении его на мир своих (участников парада, символизирующего все население СССР и зарубежные политические силы (классы), симпатизирующие ему) и чужих. Парад погружал человека в символический мир победоносного сражения, военного похода, мир простых понятий и действий, тотальной сплоченности перед лицом величайшей «опасности». О ней герои самого парада узнавали из тех же пропагандистских источников – советских газет. В этой своей ипостаси советский парад, главную часть которого представляли люди спортивного телосложения, подтянутые, бодрого вида военнослужащие, военная техника, сближался с древними (древнеегипетскими, персидскими) военными прототипами. В шествиях подчеркивалось не столько окончание военного похода, сколько постоянная готовность героев одержать новую победу. Более того, само состояние героя парада можно определить как вневременное существование в победе.

Эпическое художественное пространство. Героизация человека

Парад представлял собой гигантское художественное произведение, созданное на основе архаических представлений о мире и о войне как его органической части. Само переживание войны (противостояния) как праздника, торжества победного духа, как возможность одержать Победу и добыть Славу – есть глубоко архаические. Поэтому это художественное пространство формировалось по законам древнего героического эпоса, как пространство внешнего конфликта безупречного коллективного Героя, представлявшего мир Света, с силами Тьмы. Собственно, парад стал одним из элементов еще большей декорации, сценического ритуализированного пространства, который представлял собой весь советский Союз. Театральные формы были только частью этой театральной мегамашины [Рольф, 2009]. При этом парад, стал универсальной формой культуры. Он имел весьма разнообразные формы: «Это собственно праздничный парад... Парад-встреча, парад-доклад советских героев... Праздничный митинг, концерт... Народное «спонтанное» гуляние после или перед выборами, или сами выборы... Военный парад... Парад-война» [Меринов, 2015, 62-64] и т.п.

Парад как подвид универсального метажанра культуры - Апологии

Парад воспроизводил и культивировал архаическую мифологическую некритическую среду. Понимание мира внутри него опиралось на бинарные структуры (когнитивные, эмоциональные). Одной своей стороной он был направлен в сторону Бога (Революции) и её живого воплощения – Вождя, явление которого перед простыми смертными воспринимается как чудо. Эта сторона была ответственна за порождение эмоции восторга, ликования, доходящего до экстаза. Власть (в мире иллюзорного тождества Власти – Народа – Страны) в советской журналистике стала объектом фетишизации (М. Фуко) и сакрализации, безотносительной ценностью, то есть ценностью, не имеющую независимую от неё точку отсчета, так как журналистика и другие структуры и организации утратили возможность самостоятельной экспертизы. Сам парад как результат гениального замысла Пигмалиона-Вождя, являлся материализацией метажанра Апологии (прославления власти, героизма её подданных и поношения врагов), пронизывающего всю тоталитарную культуру [Меринов, 2016а].

Парад как утопия, победа архаического социального человека-героя над современным «индивидуалистом»

Мы полагаем, что советский парад символизировал собой идеальную модель советского государства, воплощенную Утопию, пространство победившего большевистского бюрократического Порядка, в основе которого лежал архаический принцип тождества государства и общества. Однако победа над Природой (обществом) достигалась ценой уничтожения естественных свободных форм жизни. Парад символизировал состояние общества, находящегося на своей низшей, предсмертной (архаической) стадии: полного повиновения и упорядочивания, неотличимости живого от неорганики – четкие (правильные) геометрические пропорции, застывшие скульптуры, машинный чеканный шаг строя (механика), мега (сверхчеловеческий) масштаб парадных конструкций. В параде в концентрированном виде была представлена страсть большевиков к организации всего живого, подчинению начальствующей воле, понимаемой как божественной, поэтому не обсуждаемой, когда общество вгонялось в состояние послушного автомата.

В советской прессе воспроизводилось архаическое, опирающееся, в том числе на российскую историческую самодержавную традицию, понимание отношений власти и общества как отношение господства – подчинения. Вождь (власть) подавался как хозяин, собственник, владыка, единственный полномочный субъект (инициатор) социально-политического акта. Само расположение парадного тела – упорядоченного железной волей Верха в сплоченную компактную форму, пространство единственной «руководящей» мысли (идеи), тотального контроля за участником действия сверху и с боков, восторженной подчиненности, нормированности, механистичности на открытом свободном пространстве (площадь), в том месте, где, казалось, можно было бы проявить самость (индивидуализироваться, очеловечиться), символизировало и демонстративно подчеркивало безграничные возможности власти к преодолению личностного (естественного) начала, единичности (в которой, по Фромму, только и может состояться «человечность»). Социальный человек абсолютно «прозрачный» (В.В. Набоков), открытый и незащитный («голый») (Б. Пильняк) перед властью и себе подобными (и перед собой), оставив имущество, семью, близких, своё «Я», безвозмездно отдавал себя новому божеству - обществу-Вождю. В данном контексте героичность предполагала и архаическую бессмысленность рядового героя в пространстве, где производство смыслов было отдано наверх. Таким образом парад стал местом символического полного замещения современного человека-индивидуалиста архаическим социальным человеком (героем).

Парад как социальная практика, восходящая к древнему ритуалу жертвоприношения. Жертва-агрессор

Героический человек использовал свой «героизм» в нескольких направлениях. Первое, в отношении внешних «врагов», указанных начальством. Второе, для подавления «врагов» внутренних. В этом случае, внутренний враг представал в двух ипостасях: во-первых, как объективированная сущность, как «враг народа» («кулак», «бывший»), во-вторых, как собственная стихийность (индивидуализм, своеволие, эгоизм и другие «низкие страсти» собственной природы), доставшаяся в наследство от «проклятого прошлого». То есть энергия агрессии («советского преображения») была направлена, в том числе и на самого себя.

Таким образом, главным жертвенным агнцем и, одновременно, агрессором, способным проникнуть во все уголки советской культуры и собственной души, чтобы найти и обезвредить врага, выступал «простой советский человек», обездвиженный и преподносящий себя Вождю (партии, революции). Его человеческая природа, стихийная и

свободная, оказалась в плену у новой власти. Собственно советский парад представлял собой не что иное, как парад-отчет народа своему Вождю (вождям, власти). Советский гомункул демонстрировал себя своему Создателю. Советский парад, архетипически восходил к религиозному ритуалу дара или жертвоприношения, растворения «Я» в «Мы», дара «Мы» Богу (последней революции), осуществляемого через её представителя – Вождя. Последний играл роль верховного жреца (первосвященника, земного бога), проводника в мир божественной правды (коммунистической идеологии), в коммунистическую Валгаллу, населенную «вечно живыми» пророками и предтечами революции (К. Маркс, Ф. Энгельс), её вождями и героями (мучениками веры). Религиозные истоки «русского коммунизма» отмечал еще Н.А. Бердяев, поясняя, «Россия – страна старой культуры», которая «выработала устойчивые свойства догматы, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры...» [Бердяев, 1990, с. 9].

Ничтожество и величие. Тренировка архаических качеств

Таким образом, пресса, под видом героической, стимулировала усвоение виктимной социальной психологии, готовность и, даже, радость оказаться жертвой и получить психологическую компенсацию от процесса растворения в тотальном большинстве (квазиобществе), в железной воле Отца, от ощущения тождества с его силой, их «совместной» и «справедливой» агрессией, направленной против всякого рода отщепенцев («врагов народа»). Парад – удивительная смесь противоположных чувств униженности, трусости и отваги, угрозы, направленной на мифических врагов, чувства превосходства касты избранных, идентифицирующих себя с Богом-Вождем. Сам по себе (дисциплинированный, организованный, высокоморальный) парад – воплощенный укор, упрек в их неполноценности, ущербности, разобщенности, несовершенстве и порочности. В мире перевернутых смыслов, участник-жертва парадного действия, лишенная самостоятельной активности, видела себя в героическом обрамлении. Способствовало этому чувство огромное количество военной техники, демонстрируемой на массовых зрелищах. «Герой» воспринимал их как свою защиту и угрозу для врагов. Вождь же представлялся военным лидером, ведущим свою непобедимую армию от победы к победе. За это видение и отвечали СМИ. Действительно, персонажи репортажей могли существовать лишь в рамках героического этоса, существование другого типа героя не допускалось. На самом деле, парад стал местом тренировки архаических черт – кастового превосходства, самодовольства и, одновременно, лояльности и покорности власти, основных качеств и достоинств феодального и деспотического миров.

Парад как превращенная форма гражданского объединения, квазикарнавал

Парад, в его сталинской интерпретации, стоит в ряду других **превращенных форм** отечественной культуры (советский парламент (Советы разных уровней), советские творческие союзы, профсоюзы, журналистика и др. [Меринов, 2016б]), одной из главных задач которых является уничтожение настоящих живых форм. Массовое шествие, призванное укрепить гражданскую солидарность, в СССР превратилось в механизм подавления гражданского чувства, запугивания и иррационализации сознания.

Советские СМИ охотно демонстрировали всеилие Вождя (партии). Но, кроме того, они скрывали тотальное принуждение, сам способ организации демонстрации. Информация о том, как «в самой свободной стране мира» собираются эти парады и митинги, была общеизвестна, однако пресса не делала её предметом публичного достояния, обсуждения и тем более порицания. Так советские СМИ легализовывали подобные методы и освящали их. Беззащитность перед деспотической волей, безвестность возможного акта сопротивления, неповиновения, отсутствие общественного резонанса порождали гражданскую апатию, недоверие и сомнение в собственных силах, самостоятельном акте.

Парад, несмотря на внешнее сходство, противостоял средневековому карнавалу, как результату инициативы социальных низов. Карнавал утверждает «Мы» в качестве самостоятельной социальной единицы, факт самостоятельного социального творчества, угрожает застывшему Порядку, является пространством разрушения социально-политической иерархии, олицетворяет торжество вечно обновляющейся жизни [Бахтин, 1990]. В определенном смысле, карнавал также представляет собой идеальную модель общества, наделенного большими степенями свободы и самовыражения, социальной солидарностью. Советский парад (в его официальной интерпретации), напротив, проявлял себя как «некрофильская» форма культуры [Фромм, 1992], направленная на нейтрализацию (замещение) своего живого двойника. Он сочетал несочетаемое: насильственный характер объединения (принуждение) и требование эмоциональной заряженности, когда такая естественная для человека эмоция как радость спускалась по разнарядке.

Булгаков

Однако не все журналисты (писатели) 1920-х годов смирились с необходимостью «правильного» отражения реальности как современной, молодой. Одним из таких авторов стал М.А. Булгаков. Мы знаем, что произведения М.А. Булгакова многослойны, их пронизывает подтекст (мифопоэтический, литературный, исторический). Беллетристика Булгакова полна намеков и отсылок к прошлому. Образные ряды (периоды, герои, события) архаики и современности, чередуясь, образуют единое смысловое пространство [Чудакова, 1988].

Известно, что для М.А. Булгакова публицистика была мастерской, в которой он отработывал многие литературные приемы. Безусловно, одним из таких произведений является фельетон «Бенефис лорда Керзона» (1923), опубликованный в газете «Накануне». В нем описаны многочисленные демонстрации, прошедшие в Москве, в ответ на ультиматум министра иностранных дел английского правительства советским властям. Интересно, что рассказчик, в начале фельетона прибывший в Москву, видимо, из командировки, ищет чего-нибудь «... здесь за месяц новенького». Но вместо «новенького», перед глазами читателя проходит древняя мистерия ритуального убийства преступника, срежиссированная властью. В роли «преступника» выступил лорд Керзон (его изображения, чучела), беззащитный и распинаемый толпой. Автор использовал прием мифопоэтического подтекста, по-видимому, в том числе, чтобы обратить внимание на черты советской действительности, отсылающие к далекому прошлому. Так в образе «... злобного врага страны Советов, богатея и дармоеда лорда Керзона... вплетено множество христианских мотивов...» [Меринов, 2006, с. 175]. Дополняет картину архаического мира восточный колорит: «Лорд Керзон ... держал веревочные цепи, накиннутые на шею восточным людям в пестрых халатах, и погонял их бичом» [Булгаков, 2006].

Подмечена и «организация» этого, якобы, спонтанного митинга. Автор описал колонны красноармейцев, пионеров, комсомольцев, звуковое оформление («медные трубы»), использование заготовленных ранее, по другому случаю, плакатов: «катилась медленно людская лента, а над ней шел лес плакатов и знамен. Масса старых знакомых - октябрьских и майских, но среди них мельком новые, с изумительной быстротой изготовленные, с надписями весьма многозначительными» [Булгаков, 2006].

Обратил внимание писатель и на репрессивный характер подобного рода акций. Сплоченные ряды советских героев в архаической эмоции гнева, распалюемой своим вождем-трибуном Маяковским, готовы к убийству и насилию, понимаемых едва ли не как божественная кара, суд, «справедливое» наказание за вопиющую безнравственность, преступление против священных законов. Керзон, тело которого после жестоких избиений «повисло на штыках», «грузовик-колесница», «виселицы с деревянными скелетами», «клетка-колесница» и мн.др. – явные аллюзии на предсмертные мучения и

распятие «преступника» Иисуса Христа на позорном столбе. Демонстрация, описанная Мастером, представляет собой изначальный (кромешный) мир советского парада, зачастую, скрытый за его праздничным двойником. Здесь воспроизводятся древние ритуалы прославления божества, жертвоприношения пленного врага и поношения (архаическая фольклорная форма расправы). Кроме того, автор фельетона указал на специфическое архаическое понимание советским человеком свободы. Она понимается как свободный выбор участниками разрешенной экзекуции средств насилия: убийства (виселица, лопата, булыжник, штык) и поношения-срамления (выставление врага в смешном и униженном виде, хамство, площадная брань, плакаты с рисунками («гигантский картонный кукиш»), глумление над беззащитным и обреченным на страдание и т.п.).

Бодрая, задравная нога, вплетающаяся в это в царство смерти («На Страстной площади навстречу покотился второй поток. Шли красноармейцы рядами без оружия. Комсомольцы кричали им по складам: - Да здрав-ству-ет Крас-на-я Ар-ми-я!» [Булгаков, 2006]) не противоречит, а утверждает репрессивную логику событий. «Убивают» на Страстной площади Москвы одного человека, посмеявшегося выступить против политических репрессий в СССР, а «здороваться», то есть жить и убивать беззащитного, может только советский милитарный коллектив, обладающий карающими функциями. Именно его, способного применить силу, и положено славить. Таким образом, М.А. Булгаков, как мы полагаем, фиксирует подавляющее превосходство организованного властью тотального большинства над отдельной личностью. Одновременно Мастер подмечает и другие архаические черты советского коллектива, черты «религиозной исключительности, отсылающей к идее Москва – Третий Рим» [Меринин, 2006, с. 177]. Заметим, что подобное двойное дно было почти немыслимо в советской журналистике уже в 1920-е, как называл их автор «закатного романа», «вегетарианские» годы. Сам же М.А. Булгаков скоро отошел от журналистской «поденщины» и «вымученного творчества» в художественную сферу, где подобные «вольности» были еще некоторое время возможны.

Заключение

Подведем краткий итог. Мы полагаем, что советская журналистика, несмотря на дискурс обновления и новизны, была инструментом внедрения в советское общество элементов архаики, дегуманизирующих его, выводящих за пределы современности. Распространенной архаической формой советской культуры стал парад, занявший свое достойное место в отечественных СМИ. Он выразил сам дух сталинской эпохи, дух унижения перед властью и, одновременно, чувства самодовольного превосходства своим героизмом и отвагой над «миром капитала и его прислужниками». Так советская пресса архаизировала и примитивизировала сознание, вовлекая простого человека в мир опасных иллюзий, ощущению ложной сплоченности (квазиобщности), дезориентируя его в социально-политической сфере. При этом пресса не только тиражировала древние формы культуры, в основе которых было архаическое понимания мира, но и замалчивала факты принуждения в процессе подготовки и проведения массовых акций. Так осуществлялся подрыв гражданского чувства и откат в социальную архаику, создавалось ощущение всемогущества власти и слабости обычного человека. Мы привели и отдельные примеры гражданского сопротивления (творчество М.А. Булгакова), однако не они определяли лицо отечественной журналистики данного периода.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Худ.лит., 543.
2. Бердяев Н.А. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука., 224.

3. Булгаков М.А. 2006. Бенефис лорда Керзона. Электронная книга. URL: <http://poesias.ru/proza/mikhail-bulgakov/bulgakov10045.shtml> (дата обращения: 18 fghtkz 2017).
4. Газеты и журналы 1930–1953 годов («Сталинский» период). 2010. Электронная книга. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (дата обращения: 28 апреля 2017).
5. Дугин А.Г. 1994. Консервативная революция. М.: Арктогея.
6. Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. 1999. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб.: Изд-во РХГИ, 409.
7. Кассирер Э. 1998. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 784.
8. Лотман Ю.М. 1993. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. — Таллинн: Александра, — 480, 345-355. Электронная книга. URL: <http://www.evolkov.net/conflict/contract/Lotman.Yu.Contract.&handing.of.self.html> (дата обращения: 28 апреля 2017).
9. Кузнецов И.В. 1977. Партийно-советская печать в годы социалистической индустриализации. М.; Максимов А. 1967. У истоков советской журналистики. Л., Огороков А.З. 1970. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., Овсепян Р.П. 1991. История советской журналистики: Первое десятилетие Советской власти: Учеб.-метод. пособие для студентов фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов. М.: Изд-во МГУ.
10. Меринов В.Ю. 2016а. Историческая жанрология: жанровые особенности советской журналистики второй половины 1920-х - начала 1950-х гг. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 28 (249), Выпуск 32.
11. Меринов В.Ю. 2016б. К вопросу использования определения «советская журналистика 1930- нач. 1950-х гг.» в отечественной журналистской науке. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 14 (235), Выпуск 30: 88-92.
12. Меринов В.Ю. 2015. Советская журналистика 30-х, 50-х годов как искусство соцреализма. Положительный герой. Научный результат. Сетевой научно-практический журнал. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. (3): 55-66
13. Меринов В.Ю. 2006. Христианский мифопоэтический подтекст в фельетоне М.А. Булгакова «Бенефис лорда Керзона». Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научн. трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 173-179.
14. Почепцов Г.Г. 2015. Информационные войны. Новый инструмент политики. ТД Алгоритм. М. Электронная книга. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9989957 (дата обращения: 24 апреля 2017).
15. Римский В.П. 1998. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 126.
16. Рольф М. 2009. Советские массовые праздники. М.
17. Старые газеты. Известия. 2010. Электронная книга. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (дата обращения: 24 апреля 2017).
18. Федотов Г.П. 1992а. Письма о русской культуре // Г.П. Федотов. Судьба и грехи России, СПб., София, Т.2. 186.
19. Федотов Г.П. 1992б. Россия и свобода // Г.П. Федотов. Судьба и грехи России, СПб., София., Т.2. 299-300.
20. Фромм Э. 1992. Душа человека. Её способность к добру и злу // Э. Фромм. Душа человека. — М.: Республика, 430.
21. Фрайер Х. 2008. Революция справа. — М.: Практис.
22. Чудакова М. О. 1988. Жизнеописание Михаила Булгакова. — 2-е изд., доп. — М.: Книга.
23. Шумихина Л.А., Попова В.Н. 2012. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/5/kulturologiya/shumihina-popova.pdf

References

1. Bahtin M.M. 1990. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i renessansa. M.: Hud.lit., 543.
2. Berdyaev N.A. 1990. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka., 224.

3. Bulgakov M.A. 2006. Benefis lorda Kerzona. EHlektronnaya kniga. URL: <http://poesias.ru/proza/mikhail-bulgakov/bulgakov10045.shtml> (data obrashcheniya: 18 fghtkz 2017).
4. Gazety i zhurnaly 1930–1953 godov («Stalinskij» period). 2010. EHlektronnaya kniga. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Bryanka38-004.jpg> (data obrashcheniya: 28 aprelya 2017).
5. Dugin A.G. 1994. Konservativnaya revolyuciya. M.: Arktogeja.
6. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. 1999. Russkie o bol'shevizme. Opyt analiticheskoy antologii. SPb.: Izd-vo RHGI, 409.
7. Kassirer E.H. 1998. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M.: Gardarika, 784.
8. Lotman YU.M. 1993. «Dogovor» i «vruchenie sebya» kak arhetipicheskie modeli kul'tury. Lotman YU. M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 3. — Tallinn: Aleksandra, — 480, 345-355. EHlektronnaya kniga. URL: <http://www.evolkov.net/conflict/contract/Lotman.Yu.Contract.&handing.of.self.html> (data obrashcheniya: 28 aprelya 2017).
9. Kuznecov I.V. 1977. Partijno-sovetskaya pechat' v gody socialisticheskoy industrializacii. M.; Maksimov A. 1967. U istokov sovetskoj zhurnalistiki. L., Okorokov A.Z. 1970. Oktyabr' i krah russkoj burzhuažnoj pressy. M., Ovsepyan R.P. 1991. Istoriya sovetskoj zhurnalistiki: Pervoe desyatiletie Sovetskoj vlasti: Ucheb.-metod. posobie dlya studentov fak. i otd-nij zhurnalistiki gos. un-tov. M.: Izd-vo MGU.
10. Merinov V.YU. 2016a. Istoricheskaya zhanrologiya: zhanrovye osobennosti sovetskoj zhurnalistiki vtoroj poloviny 1920-h - nachala 1950-h gg. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 28 (249), Vypusk 32.
11. Merinov V.YU. 2016b. K voprosu ispol'zovaniya opredeleniya «sovetskaya zhurnalistika 1930- nach. 1950-h gg.» v otechestvennoj zhurnalistskoj nauke. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 14 (235), Vypusk 30: 88-92.
12. Merinov V.YU. 2015. Sovetskaya zhurnalistika 30-h, 50-h godov kak iskusstvo socrealizma. Polozhitel'nyj geroj. Nauchnyj rezul'tat. Setevoj nauchno-prakticheskij zhurnal. Ser. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya. (3): 55-66
13. Merinov V.YU. 2006. Hristianskij mifopoehticheskij podtekst v fel'etone M.A. Bulgakova «Benefis lorda Kerzona». Zhurnalistika i mediaobrazovanie v HKHI veke: sb. nauchn.trudov Mezhdunar.nauch.-prakt.konf. Belgorod: Izd-vo BelGU, 173-179.
14. Pohepcov G.G. 2015. Informacionnye vojny. Novyj instrument politiki. TD Algoritm. M. EHlektronnaya kniga. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9989957 (data obrashcheniya: 24 aprelya 2017).
15. Rimskij V.P. 1998. Totalitarnyj kosmos i chelovek. Belgorod: Izd-vo Belgor. gos. un-ta, 126.
16. Rol'f M. 2009. Sovetskie massovyje prazdniki. M.
17. Starye gazety. Izvestiya. 2010. EHlektronnaya kniga. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (data obrashcheniya: 24 aprelya 2017).
18. Fedotov G.P. 1992a. Pis'ma o russkoj kul'ture // G.P. Fedotov. Sud'ba i grekhi Rossii, SPb., Sofiya, T.2. 186.
19. Fedotov G.P. 1992b. Rossiya i svoboda // G.P. Fedotov. Sud'ba i grekhi Rossii, SPb., Sofiya, T.2. 299-300.
20. Fromm E.H. 1992. Dusha cheloveka. Eyo sposobnost' k dobru i zlu // E.H. Fromm. Dusha cheloveka. – M.: Respublika, 430.
21. Frajer H. 2008. Revolyuciya sprava. — M.: Praksis.
22. Chudakova M. O. 1988. Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova. — 2-e izd., dop. — M.: Kniga.
23. Shumihina L.A., Popova V.N. 2012. EHstetika paradov i demonstracij kak prazdnichnyh ritualov sovetskoj kul'tury http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2012/5/kulturologiya/shumihina-popova.pdf